

Ованес Азнаурян

Вероника

Вероника привыкла считать себя одинокой, но не делала из этого трагедии, просто свыклась с этой мыслью и только плакала иногда по вечерам, когда напивалась, но это случалось нечасто. Она считала себя сильной, но именно в эти минуты или часы алкогольного опьянения она жалела себя, проклинала свою одинокую судьбу, и поэтому плакала. Вероника была красивая, и вовсе нельзя было сказать, что ей тридцать лет... У нее были белокурые волосы, серо-голубые глаза, она была высокой, у нее были длинные стройные ноги, на нее оглядывались, когда она проплывала по улице, как хорошая белая яхта, ей уступали дорогу машины, но она была одинока. У нее время от времени бывали мужчины, она отдавалась им страстно и всецело, но они все потом куда-то исчезали и больше никогда не возвращались, и она привыкла думать, что ее жизнь всегда будет состоять из этих коротких встреч, случайных знакомств, что она не в состоянии задержать ни одного мужчины. А почему они уходили от нее, она не знала и не понимала (ведь все они говорили, что она лучшая из всех!).

У нее не было постоянной работы. И это можно было называть настоящим невезением. Если у Вероники оказывался начальник-мужчина, то он первым делом предлагал ей переспать с ним; если была начальник-женщина, то всегда завидовала ее красоте, ее манере одеваться, ее свободным взглядам, умению оригинально мыслить, и в конечном итоге Вероника всегда оказывалась без работы... Очень часто бывало так, что деньги заканчивались, и она сидела без куска хлеба, но потом что-то появлялось, а значит, можно было б еще пожить немного и еще немного понадеяться на то, что скоро что-то попадет на

стоящее... Когда у Вероники не бывало работы, и она оставалась дома, она думала о сексе, а потом мастурбировала, а потом плакала и думала о том, что ей хочется настоящего мужчину, потом напивалась...

Вероника снимала однокомнатную квартиру в не очень дорогой части города, и каждый раз, когда не бывало денег, чтоб заплатить за очередной месяц, она ехала к своей подруге одолжить денег. Так было и в тот день. Вероника приняла душ, оделась и вышла на залитую солнцем жаркую летнюю улицу. Она думала о том, что хорошо бы было, если б мужа подруги не оказалось дома, потому что при нем неудобно будет просить взаймы, к тому же с мужем этим однажды вышел неприятный инцидент, когда подруга уехала на две недели в Австрию по делам своей фирмы. Он пришел к ней, к Веронике, и предложил заняться сексом, за что обещал заплатить ей большие деньги; Вероника выгнала его и обещала обо всем рассказать подруге, но так ничего и не рассказала, может быть, пожалев ее...

Теперь она шла к своей подруге пешком – денег на автобус не было – и замечала, что прохожие мужчины останавливаются и смотрят на нее, и ей это нравилось и сердило одновременно, и она думала о том, что все эти мужчины любят ее, но не знают, как она одинока и несчастна. Еще она думала, что если б она захотела, у нее было бы много любовников, но Вероника не хотела так. Она хотела найти любовь; она хотела, чтоб у нее была семья, она хотела иметь детей...

Подруга обрадовалась, увидев ее.

– Как хорошо, что ты пришла! – сказала она. – А я думала, что весь день буду скучать... Алика-то нет. Он уехал по делам – вечно у него дела в воскресенье!

– Валь, мне нужны деньги. За деньгами-то я и пришла... Мне завтра расплачиваться за квартиру. Ты сможешь одолжить мне денег? Я верну, ты же знаешь...

– Да, конечно, дурочка, и не надо смотреть на меня такими скорбными глазами! Деньги всегда можно достать...

Вероника не стала спорить, потому что знала, что у Вали никогда бы не было денег, если б не было Алика, потому что, в отличие от нее, Вероники, Валя никогда не могла работать, не умела...

Вероника дала себя потащить в комнату и села на диван перед журнальным столиком.

– Как у тебя дела?– спросила Валя. Она выглядела очень по-молодевшей, веселой, довольной своей жизнью, и Вероника подумала, что Алик хорошо смотрит за своей женой.

– Сама видишь, – ответила Вероника. – Меня вытурили с работы, потому что я выплеснула свой холодный чай в лицо своей начальницы. Даже не заплатили за то, что я заработала в этот месяц... Поэтому мне теперь и приходится просить у тебя займы...

– Да перестань ты говорить о деньгах, давай поговорим о другом! – сказала Валя. Вероника же подумала, что обеспеченные, или просто богатые, всегда твердят, что не любят говорить о деньгах, а на самом деле они не любят говорить о чужих деньгах (если, конечно, их не больше, чем у них); о своих же деньгах они говорят всегда с большой охотой и гордостью. Валя продолжала: – У Алики новый очень выгодный контракт. Теперь наш доход вырос вдвое, правда, многое съедают налоги, но нам повезло с этим контрактом... – Валя включила телевизор и предложила выпить по бокальчику. Вероника не смела отказаться, думая, что это ее плата за то, что она просит денег займы. «Должна же я отработать те деньги, которые мне даст Валя! Вот она теперь и измывается надо мной, – подумала она. – Вернее, я скрашиваю ее одиночество. Чтоб ей не было скучно».

Валя принесла бутылку мартини, бутылку пшеничной водки, маслины, лед, лимон, который она тут же на глазах у Вероники разрезала пополам.

– Повеселимся? – в глазах Вали вспыхнули искорки и брызнули веселым бенгальским огнем на Веронику.

– Давай.

Сделали себе коктейль: мартини пополам с водкой, положили в бокалы по две маслины, выжали каждая свою половину лимона.

– Выпьем за удачу, – сказала Валя. Вероника не стала спорить, и они выпили.

По телевизору показывали розыгрыш какой-то лотереи. Люди что-то выигрывали, их поздравляли, играла какая-то глупая и ненужная музыка... Вероника и Валя опять выпили.

– У тебя так и не появился никто? – спросила подруга.

– Нет...

– А куда делся тот... Ну, который у тебя был три месяца назад? Забыла его имя.

– Не знаю, – ответила Вероника. – Уехал. У меня все или приезжие, или наши, но такие, которые скоро должны уехать. Такие вот дела...

– Но ты не расстраивайся, слышишь? У тебя все получится! – сказала Валя, но таким тоном, что Вероника поняла: Валя сама не верит своим словам...

Потом они опять выпили, потом по телевизору кто-то выиграл миллион долларов. Диктор так закричал, что Вероника чуть не уронила свой бокал:

– Выиграл номер 23252364...

– Везет некоторым, – сказала Вероника. – Мне бы миллион долларов! Я бы знала, на что потратить этот миллион...

Когда стемнело, Вероника собралась уходить. В голове уже основательно гудело от мартини, во рту был какой-то металлический привкус от лимона и маслин, и еще страшно хотелось есть. Взяв у Вали деньги, Вероника вышла на улицу. Было душно, дул сильный ветер, где-то очень далеко на черном небе сверкали молнии. Должна была взорваться гроза, и Вероника пошла быстрее. Если заплатить за квартиру, думала она, еще останется денег, чтоб жить еще полмесяца. За эти полмесяца нужно будет постараться что-то найти. Что-то совсем простое, если никому не нужно твоё знание трех иностранных языков и диплом дизайнера-мастера... Да, что-нибудь очень простое. И Вероника вспомнила, что вчера на дверях какого-то магазина она прочла объявление: «Требуется продавщица 25-35 лет приятной наружности...». Вот-вот. Завтра пойду в этот магазин...

Гроза началась, когда до дома оставалось пройти всего лишь половину улицы и пересечь парк. Вероника сняла туфли и побежала. Ветер захлестал ей в лицо большими тяжелыми каплями дождя, а в небе все чаще заблестели молнии, и потом громыхал гром. Она бежала, сопротивляясь порыву ветра и задыхаясь от бега, и сердце, казалось, сейчас выскочит из груди, и она почувствовала, что начинает мерзнуть, хотя на дворе был месяц август... Вскоре одежда Вероники стала

совсем мокрой, и теперь ветер дул не в лицо, а бил в спину, словно подгонял куда-то, и Вероника побежала еще быстрее. И тут в зыбком желтом свете фонаря в парке она увидела какую-то бумажку под скамейкой. Она остановилась и нагнулась за бумажкой: какой-то лотерейный билет. Вероника подошла поближе к фонарю: господи, да это же из того розыгрыша, который она смотрела по телевизору у Вали! Это невозможно, но номер Веронике показался знакомым... Что прокричал диктор? «Номер 23252364...». А что дальше? Какая последняя цифра была?! На билетике, что Вероника нашла, было написано: #232523647. Да это же тот! Тот выигравший номер! Один миллион долларов! Вероника стояла под фонарем в парке у скамейки под проливным дождем в каком-то оцепенении, а потом заплакала, и ноги у нее стали подкашиваться, и ей пришлось опереться о скамейку. Она плакала громко, протяжно, не пытаясь сдерживать себя, а дождь поливал ее волосы, промывал лицо, растворяя соль слез, неудержимо катящихся с глаз... Когда она снова смогла ходить, она, уже не спеша, пошла в сторону дома. Дождь все еще шел – правда, немного поутих, как будто, но Веронике больше не было холодно. Этого не может быть, думала она, сжимая в руке счастливый лотерейный билет. Чтоб так повезло! А интересно, кто потерял билет? Кто этот «счастливый»? Ладно, не думай об этом. Подумай лучше... Господи, да это невозможно!

И Вероника стала мечтать. Она мечтала, когда еще шла по темному парку, она мечтала, когда вышла снова на улицу, она мечтала, когда заходила в темный подъезд своего дома, когда поднималась по крутым лестницам на 4 этаж, и впервые в жизни не посчитала количество ступенек...

Вероника мечтала о том, что завтра же с утра пойдет получать свой выигрыш и оттуда прямо поедет (на такси, на такси!) к Вале и вернет долг. О, как удивится она! Вероника теперь рассмеялась, представив себе лицо подруги, но она, Вероника, ничего объяснять ей не станет, а потом... Потом... Как-то трудно было решить, что она сделает с выигрышем потом, и ей вспомнились свои же собственные слова: «Мне бы миллион долларов! Я бы знала, на что потратить этот мил-

лион...». Но теперь она не знала... Но потом она закричала, закричала изо всех сил, громко, сильно, но в уме, бесшумно, и ее никто не мог услышать:

– Я уеду из этого города! Я уеду из этой страны! Далеко! К морю! И куплю дом! Большой белый дом на берегу моря! И там меня никто не достанет! И я буду свободна! И я встречу там своего мужа, и мы будем жить у меня дома! И у нас будут дети! И я буду петь для них, я буду играть для них на рояле! Я куплю маленький белый кабинетный рояль! Я куплю все книги, которые хочу купить, но не могу... Куплю все возможные записи «Роллингов» и «Битлов», куплю всего Гершвина и всю Эллу Фицджеральд! Все-го Азнавура и всю Эдит Пиаф! Куплю машину и научусь водить! Я буду готовить вкусные завтраки для мужа и детей, и потом мы пойдем на пляж и будем плавать в море...

Когда она открывала дверь своим ключом, она подумала: «А что если это не тот билет! Ведь я не помню последней цифры. Диктор закричал: #23252364... И я не помню, не расслышала последней цифры...». Она включила свет в прихожей, снова прочла номер на своем билетике: 232523647.

Через час по телевизору по второй программе должны были показывать повтор розыгрыша лотереи «Счастливый случай» для тех, кто не успел посмотреть ее по первой программе в прямом эфире. Вероника решила посмотреть повтор, хотя теперь уже не сомневалась, что один миллион долларов выиграла именно она... Она, конечно, она!

Вероника разделась, приняла душ – все же она окоченела под дождем, – потом включила телевизор, принесла из кухни хлеб, сыр, вино, села на пол перед телевизором и стала ждать. И вот передача началась, и Вероника почувствовала, как волнение, появившееся где-то у живота, постепенно поднимается вверх и потом сдавливает горло, так что хлеб с сыром уже невозможно стало глотать без основательного глотка вина... А потом Вероника уже не могла ни есть, ни пить и только закурила сигарету, и зажала в руке помятый «счастливый» выигрышный билет. Вот уже наступило время, и Вероника приготовилась услышать слова, подтверждающие ее право на счастье под номером, совпадающим с номером билета...

Она отчетливо услышала взволнованный крик, вернее, возглас ведущего:

– И один миллион долларов выигрывает номер 232523646!!!
Фантастика! Мы поздравляем счастливого обладателя билета #232523646!

Вероника оцепенела. Что говорил дальше ведущий, она уже не слышала. Она лишь опустила глаза на найденный ею в парке под проливным дождем билет. На нем было написано: #232523647... Ведущий вместо последней цифры «7», прокричал «6»...

Вероника встала с пола, стряхнула с себя хлебные крошки, выключила телевизор, пошла, легла на диван, потом выключила торшер... Стало очень тихо и очень темно. И гроза на улице уже прекратилась, и слышно было лишь, как далеко проезжают машины и шипят колесами по мокрому асфальту. Вероника лежала так минуты две, потом в темноте повернулась на живот, уткнулась лицом в подушку и заснула. Жалостливо и долго, как потерявшийся щенок.

Ереван

